
© Н.С. АНДРЕЕВА

kphil@utmn.ru

УДК 111.11

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС КРАСОТЫ ЧЕЛОВЕКА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию онтологических аспектов красоты человека. Поскольку при гносеологическом подходе к природе и сущности красоты, преобладающем в исследовательской традиции, роль красоты человека в становлении человеческой сущности остается невыясненной, автор делает акцент на онтологической проблематике человеческой красоты. Целью работы является исследование взаимного влияния и взаимосвязи красоты человека и сущности человека в антропогенезе. Утверждается, что красота человека, в качестве сложного феномена, развиваемого средствами искусства на разных исторических этапах, являлась способом бытия человеческой сущности, гармонизирующим физическую и социальную природу человека. Произведена попытка выявить влияние человеческой красоты на сглаживание разрыва между индивидуальным и социальным началом человеческой сущности. Таким образом, актуальность исследования красоты человека обоснована современными проблемами состояния и развития человеческой сущности. Рассмотрение проблемы с позиции эстетико-антропологического подхода позволяет обнаружить более сложную взаимосвязь красоты и сущности человека в генезисе культуры.

SUMMARY. The article is devoted to studying ontological aspects of the human beauty. Since in the epistemological approach to the nature and essence of beauty, prevailing in research practice, the role of the human beauty in forming the human essence keeps unclarified, the author places emphasis on the ontological range of problems of the human beauty. The investigation aims at studying mutual influence and interrelation of the human beauty and the human essence in anthropogenesis. It is asserted that the human beauty, as a complicated phenomenon, developed by the tools of art at various historical stages, was the human essence being mode, harmonizing the physical and social human nature. The author attempted to discover the human beauty influence on reduction of the gap between the individual and social beginning of the human essence. Thus the relevance of the human beauty investigation is founded by contemporary problems of the human essence state and development. The consideration of the problem from the perspective of the esthetic and anthropological approach enables to reveal a more intricate relationship between the human beauty and essence in cultural genesis.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Красота человека, человеческая сущность, эстетическая антропология, средства искусства.

KEY WORDS. Human beauty, human essence, esthetic anthropology, tools of art.

Красота, важнейшая категория культуры, относится не только к сфере созерцания, как это было показано в преобладавшей с XVIII в. гносеологической ее трактовке, но также и к сфере онтологии и антропологии, на что впервые указывает И. Кант. Кантовская концепция содержит онтологический принцип красоты, его определение красоты как «ценностной эмоции» уводит в область аксиологическую и онтолого-антропологическую. В бытии высших ценностей раскрывается глубинная сущность человека. Мы рассмотрим красоту человека в ряду высших смыслов, не просто раскрывающих человеку его сущность, но реализующих человеческое бытие.

Почему «сознание общественного человека закономерно развивалось познающим действительность в двух формах — в ее чувственно конкретных проявлениях и в ее всеобщности... как логика и как непосредственное восприятие, как понятие и как образ, как наука и как искусство, как истинность и как красота» [1; 148]? Почему общество с самого своего возникновения культивирует эстетическую деятельность? Классическая гносеология не раскрывает всех тайн прекрасного. Эстетические способы самопознания человека, определяющие развитие человеческой сущности, исследуются эстетической антропологией — направлением современной философии, успешно стартовавшим в начале 2000-х годов [2]. М.Н. Щербинин, артикулируя эстетико-антропологические способы познания и осуществления человеческого бытия, утверждает, что эстетическое в тех или иных поочередно лидировавших видах искусства «обеспечивало не только возможность самоузнавания, самообнаруживания и самообнаружения (само-об-наружения) человеком и человечеством своей сущности, но и развитие, развертывание и раскрытие своих самых глубинных сущностных характеристик» [3; 6].

Философская мысль современности фиксирует все более отчетливо проявляющееся стремление к преодолению доминирующего с XVIII в. внутренне противоречивого гносеологического концепта эстетического и рассмотрению эстетических процессов в более широком контексте культурологического, социологического, психологического и иного (антропологического) знания. Например, Э. Левинас пишет: «искусство — не безмятежное блуждание человека, принявшего творить красоту. Культура и художественное творчество составляют часть самого онтологического порядка. Они онтологичны по преимуществу, ибо делают возможным постижение бытия. Не случайно превознесение культуры и культур, возвеличение художественного аспекта культуры направляет духовную жизнь современности» [4; 604-605]. Таким образом, обоснование силами современной социальной философии, философской антропологии и эстетики «действительной социальной роли эстетической науки в понимании специфических универсальных механизмов эстетического регулирования движения людей» [5; 3] значительно расширяет предметную базу эстетики, как и философской антропологии.

Так, А.П. Воеводин обращается к исследованию антропологических оснований чувственно-эмоциональной культуры, антропологических рамок понятия «эмоция» как социального внутрикультурного события, подразумевая именно в этом аспекте перспективность нового направления в философско-антропологических исследованиях — эстетической антропологии [5]. В сфере философской и психологической антропологии проблемы красоты могут быть рас-

---

смотрены в более широком контексте «понимания эстетического как важнейшей сущностной сферы бытия человека» [5; 4].

Если мы попытаемся определить красоту в соответствии с традициями классической эстетики, а именно в гносеологическом ключе, то заметим, что красота есть чувственное познание в его совершенстве. А. Баумгартен, родоначальник эстетики как науки, предложил известное определение красоты: эстетика есть наука о совершенствовании чувственного познания; *такое познание и есть красота*. Во множестве исследовательских парадигм гармония, внутреннее диалектическое противоречивое единство, целесообразность, гомеокинетическое равновесное состояние системы «человек» выступают тем объективным основанием чувства красоты, которое делает любой предмет, явление или процесс красивым в нашем восприятии.

Проблему объективного основания субъективной эстетической оценки, обозначаемую нередко как «основной вопрос эстетики», исследует О.Н. Буткевич, отмечая, что многие предметы в их качественной разнородности вызывают в нас ощущение красоты, поскольку они имеют в своей внутренней природе объективное основание для этого ощущения. Такое основание может быть лишь единым, вызывая одно и то же чувство красоты. Это чувство имеет сложную структуру и сопряжено с радостью. Это чувство мы всегда отличим от сходных с ним ощущений, не являющихся ощущением красоты. Автор представляет это так: в то время как при нашем столкновении с «единством в его диалектическом, динамическом смысле», с внутренним противоречивым единством, «мы испытываем радостное чувство... именно красоты», восприятие лишь внешней правильности и непротиворечивости производит ощущение лишь «более или менее приятное» [1; 142-143].

Итак, во взаимном развитии и становлении человеческой сущности и человеческой красоты человек, средствами своей философии, пытается обнаружить в красоте объективные основания. В качестве объективно существующего источника чувства красоты выступали внутренние свойства предмета, улавливаемые в его внешних свойствах как ощущение красоты предмета: гармония, равновесие, целесообразность, диалектическое противоречивое единство — источник движения. В то же время само существование в мире красоты — феномена субъективного и спонтанного восприятия — оправдывало человеческую субъективность, «субъектность, активность оценки и спонтанность действия. Красота оправдывает и определяет человека как субъекта восприятия, мышления и действия, участвуя в развитии сущностных характеристик человека.

В человеческой культуре все многообразие собственно человеческих форм движения содержит в себе устойчивое эстетическое начало.

На протяжении человеческой истории со времен палеолита прослеживается историческое «убегание» от природного начала к духовной составляющей, то есть к началу «собственно человеческому», осуществляемое именно средствами красоты человека. Красота человека явилась «способом продуцирования социальных, а не биологических смыслов» [5; 4].

Современная эпоха, определяющая антропологический принцип философии как исследование человека в единстве его сущностных и экзистенциальных, материальных и идеальных, физических и духовных, индивидуальных и социальных начал, находит это гармоническое начало в изменяющемся статусе

человеческой красоты, универсального, сложного и многогранного феномена. Человеческая красота явилась способом возвращения к природному началу, гармонизации биологического и социального начал, то есть способом разотчуждения человека от собственной сущности. Данную тенденцию в качестве яркого примера олицетворяют тезисы И. Ефремова о природной целесообразности человеческой красоты, составляющие плоть и кровь его романов. Писатель утверждает: «в каждой расе... была своя отточенность, своя мера прекрасного» [6; 125], поскольку в долгом процессе слепого эволюционного отбора высших человеческих существ сформировалась «...целесообразность их приспособления к окружающим условиям и требованиям жизни, та целесообразность, которая и есть красота» [6; 147].

В целом можно допустить, что на разных этапах смыслогенеза красота человека выступала способом «убегания» от животного состояния к собственно человеческому, от стадного состояния к социальному. Красота человека являлась способом выхода за пределы исторической данности к качественно иному состоянию человеческой сущности, усилением «собираения» себя.

Обрядная и эзотерическая красота племен палеолита уже надприродна, «трансцендентальна» — в ней осуществляется прорыв человека за пределы своей животной-телесной формы. Тело, разукрашенное и «изувеченное», «превращается в ритуал» (Ж. Бодрийяр) и прикрывается маской, осуществляющей сравнительно примитивное «антропологическое решение» или визуализацию растущей социальности.

Статуарное искусство античности представляет собой одну из загадок человеческой цивилизации. Воплощенная в своем совершенстве телесная красота человека все же являлась уходом от лишь биологической его сущности. Каким же способом, имея в эстетическом арсенале обнаженное человеческое тело, представленное в идеальном совершенстве, античная цивилизация осуществила стремление к гармонии и росту духовно-социальной представленности в изменяющейся сущности человека?

В античный период осуществляется переход от мифологической картины мира к философскому мировосприятию. Красота тела в идеальных пропорциях, принципиальная антропоморфность красоты как наивысшей ценности в ценностной иерархии и определение миропорядка с помощью категорий меры, соразмерности, гармонии, или «интуиция тела» (в определении О. Шпенглера), была названа определяющим фактором при переходе сознания от мифологического способа обобщения к философским абстракциям [7; 51]. А.Ф. Лосев, например, полагает, что «учение об идеях есть учение о скульптуре» [8; 94].

Сохранившаяся смыслообразность как характеристика античного мышления усилила воздействие красоты человека, статуарно представленной, на духовно-социальную практику античного социума. Так, платоновский философ-правитель, воодушевленный идеей социального совершенства и справедливости, должен был созерцать эту идею, всматриваясь «в то, что по природе справедливо, прекрасно, рассудительно» [9; 297], в богоподобный образ, присущий людям. Архетипически скульптура запечатлела прообраз социальной гармонии, согласованности и соразмерности частей социума как частей человеческого тела, их гармоничной уравновешенности. Таким образом, красота человека явилась способом создания «напряженной зоны сознания», по выражению М.К. Мамар-

дашвили, определяющего феномен античной Греции как «феномен пребывания всех греков в некоей зоне напряженного (и со-пряженного) сознания» [10; 197].

В эпоху европейского средневековья человеческая сущность в своей трансцендентной природе объяснялась посредством такой философской и теософской категории, как Первосущность. Здесь природа рода человеческого, как правило, была выражена и представлена изобразительными и выразительными средствами иконописи, живописи, а впоследствии и театра в особом виде Фигуре, архетипе, образе, несущем на себе «печать», «задание», идею или смысл Первообраза.

Красота человека, на наш взгляд, собирает в определенном общечеловеческом единстве все многообразие социально-типического и родового; кроме того, красота собирает в единстве социальном, типическом, родовом, которое может рассматриваться как подсистема общечеловеческого, все многообразие индивидуального и субъективного. Этот способ «собирания» проявился, прежде всего, на живописных портретных полотнах Возрождения, где в красоте изображения была олицетворена сословная, классовая сущность человека.

Онто-гносеологические парадигмы XX столетия так или иначе обнаруживают способность человека в красоте познавать непосредственно, обнаруживать, визуализировать свою родовую или общечеловеческую сущность, а также совершенствовать (гармонизировать), онтологизировать ее параметры и аспекты. Большинство онтологических исканий XX в. развернулось по линии антропологического подхода в его многочисленных вариантах, где в центре внимания представлено человеческое бытие. Эстетические категории при этом используются в онтологическом ключе. Провозгласив антропологический принцип философии, Л.В. Фейербах задал отсчет человеку от его природного начала к бесконечному осуществлению себя в мире социальном. Произведение природы, человек становится человеком в социальном мире: «Природа есть неотличимая от бытия сущность, человек есть сущность, отличающая себя от бытия. Неотличимая сущность есть основание сущности, отличающей себя; таким образом, природа есть основание человека» [11; 190]. Антропологический манифест Л.В. Фейербаха и его призыв рассматривать человека в единстве природного начала с духовным способом самоосуществления фиксируется эстетической антропологией, исследующей эстетические параметры смыслогенеза. Человеческая красота, развиваемая средствами искусства, предстает способом «очеловечивания человека».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буткевич О.В. Красота: Природа. Сущность. Формы. Л.: Художник РСФСР, 1983. 438 с.
2. Щербинин М.Н. Эстетическая антропология: предмет, метод, проблематика // Эстетическая антропология: Коллективная монография. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 248 с.
3. Щербинин М.Н. Эстетико-антропологическое освоение социума // Эстетико-антропологическое бытие социума: Коллективная монография. Тюмень: Вектор Бук, 2010. 217 с.
4. Левинас Э. Гуманизм другого человека // Левинас Э. Избранное: Трудная свобода. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 752 с.
5. Воеводин А.П. Эстетическая антропология: Монография. Луганск: РИО ЛГУВД им. Э.А.Дидоренко, 2010. 368 с.

6. Ефремов И.А. Туманность Андромеды. Звездные корабли. Сердце Змеи. М.: Издательство АСТ, 2001. 478 с.
7. Щербинин М.Н. Искусство и философия в генезисе смыслообразования (Опыт эстетической антропологии): Монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. 312 с.
8. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
9. Платон. Государство. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. 829 с.
10. Мамардашвили М.К. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно // Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
11. Любутин К.Н., Чупров А.С. Истоки философской антропологии. Кант. Шопенгауэр. Фейербах. Челябинск, 2005. 298 с.

REFERENCES

1. Butkevich, O.V. *Krasota: Priroda. Sushhnost'. Formy* [Beauty: Nature. Essence. Forms]. Leningrad, 1983. 438 p. (in Russian).
2. Shherbinin, M.N. *Esthetic Anthropology: subject, method, problematics // Jesteticheskaja antropologija: Kollektivnaja monografija* [Esthetic Anthropology: Multi-author book]. Tyumen, 2007. 248 p. (in Russian).
3. Shherbinin, M.N. *Esthetic and anthropological exploration of social medium // Jestetiko-antropologicheskoe bytie sociuma: Kollektivnaja monografija* [Esthetic and anthropological being of social medium: Multi-author book]. Tyumen, 2010. 217 p. (in Russian).
4. Lévinas, E. *Humanisme de l'autre homme // Lévinas E. Izbrannoe: Trudnaja svoboda* [Selected works: Hard freedom]. Moscow, 2004. 752 p. (in Russian).
5. Voevodin, A.P. *Jesteticheskaja antropologija: Monografija* [Esthetic Anthropology: Monograph]. Lugansk, 2010. 368 p. (in Russian).
6. Efremov, I.A. *Tumannost' Andromedy. Zvezdnye korabli. Serdce Zmei* [Andromache nebula. Starship. Snake heart]. Moscow, 2001. 478 p. (in Russian).
7. Shherbinin, M.N. *Iskusstvo i filosofija v genezise smysloobrazovaniya (Opyt jesteticheskoy antropologii): Monografija* [Art and Philosophy in meaning-making genesis (Esthetic anthropology experience): Monograph]. Tyumen, 2005. 312 p. (in Russian).
8. Losev, A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Antique Symbolism and Mythology]. Moscow, 1993. 959 p. (in Russian).
9. Plato. *Gosudarstvo* [The Republic]. Moscow; Kharkov, 2003. 829 p. (in Russian).
10. Mamardashvili, M.K. *The Devil plays with us, when we do not think precisely // Soznanie i civilizacija* [Consciousness and civilization]. St-Petersburg, 2011. 288 p. (in Russian).
11. Ljubutin, K.N., Chuprov, A.S. *Istoki filosofskoj antropologii. Kant. Shopengaujer. Fejerbah* [Origin of Philosophical Anthropology. Kant. Schopenhauer. Feuerbach]. Chelyabinsk, 2005. 298 p. (in Russian).